

Сцена из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир».

ЩЕДРОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ

*Сегодня в Ташкенте начинаются гастроли
Московского театра драмы и комедии на Таганке*

ВСТРЕЧА с новым зрителем для нас — всегда событие огромной важности. И это не просто слова вежливости. Я убежден, что привилегию театра привлекать к себе внимание публики история отменила, как и многие другие устаревшие привилегии. Доверие каждый раз необходимо завоевывать, и это нелегкий труд.

В наш век взоры людей по праву приковывают к себе изумительные исторические события: полеты в космос, динамика политических и социальных событий. Благодаря инициативе нашей партии и правительства, благодаря деятельности Леонида Ильича Брежнева удалось широко раздвинуть «железные занавесы», водруженный приверженцами «холодной войны», и мир стал виден, как на ладони.

Театр не имеет права не учитывать этих событий. Художник знает, что его искусство лишь тогда вызовет живое эхо, когда оно будет рассказывать о самом волнующем и насущном.

Нашей первой постановкой был «Добрый человек из Сезуана» Бертольда Брехта — художника поразительной гражданской активности, яркого политического темперамента. Мы стремились, чтобы каждый наш спектакль не оставлял людей равнодушными к жизни общества. Следуя заветам Брехта, мы не скрываем своего отношения к тому, что изображаем, не чужаясь ни сатиры, ни патетики, откровенно смеясь над тем, что нас возмущает, и утверждая со всей искренностью то, что нам представляется самым правдивым и честным.

Наш театр возник десять лет назад, он родился 23 апреля, на следующий день после празднования дня рождения Владимира Ильича Ленина. Для нас это не случайное совпадение, а настоятельное напоминание о гражданской миссии искусства.

Мы вышли из студии — с актерского курса, на котором я преподавал в училище имени Б. Шуккина при театре имени Евг. Вахтангова. И наше заветное желание — сохранить верность студии-

ному духу молодости с ее непримиримостью к фальши и непосредственностью.

Однако быть правдивым — это высокое мастерство. Искренность дается лишь благодаря гравенной технике. Поэтому каждый спектакль, каждый поиск того, как «мысль разрешить», неотделим для нас от поиска современной эстетики. На наш взгляд, в образном языке сцены должна найти выражение та конденсированность событий, которая характерна для нынешней жизни. Театр на Таганке тяготеет к поэзии с ее насыщенностью образами и щедростью воображения, смелыми сопряжениями далекого и близкого, исторического и интимного.

Пастернак называл метафору скоростью духа, мгновенным и сразу понятным озарением. Мы также ищем метафорические, наиболее действенные приемы для выражения своих мыслей и чувств и рассчитываем на творческую активность зрителя. Мы стремимся к художественному своеобразию, о котором говорил тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду партии: «Мы за внимательное отношение к творческому поиску, за полное раскрытие индивидуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма».

Художественное своеобразие — это не оригинальничанье, а жизненный необходимость. Ромен Роллан был прав, предупреждая художника: «Если тебе нечего сказать — молчи!». Но как будет говорить тот, кто не знает, как сказать то, что ему хочется? Косноязычие в искусстве может обернуться пародией на те идеи, которые таким образом высказываются, так же, как буквальный перекусение реального явления на сцену может обернуться ложью. Когда Ноклен заснул на сцене, критики написали, что он разучился правдоподобно изображать храпящего. Правда театра — в вымысле, но не в лобном, а только в таком, который соответствует законам подлинного творчества.

Искусство говорит образами, и мы не танц этого, пытаемся дать не точную, подобную посмертному спелку, копию жизни, а ее ступок, ее наиболее яркие грани.

Театр — это искусство не только слышимое, но и видимое. Нас увлекает возможность найти в пьесе не только смысловой, но и чисто театральный зрительный ход. Театр — искусство синтетическое: оно выбирает в себя не только литературу, но и живопись, скульптуру, музыку... Подобно тому, как в поэзии рифмуются, обретая единство, различные понятия, на сцене сочетаются свет и слово, ритм и пластика. И этот язык сценических композиций говорит очень многое.

Как известно, смешение угла и селитры дает порох. Мы тоже стремимся к взрывчатому сочетанию сценических элементов, желая, чтобы они дали вспышку, озаряющую все взирь и вглубь, бросающую яркий свет на мир и душевную жизнь человека.

Творчество — это, как говорил Маяковский, «езда в неизвестное», открытие нового. За линией рамы вещи, явления и люди должны сбросить стертые оболочки, поражающая нас своей новизной. Отметая привычное, искусство стремится к существованию. Для нас неприемлемо спокойно-созерцательное отношение к жизни. Задача заключается не в том, чтобы копировать действительность, а в том, чтобы ее преобразовать. Маркс говорил, что философы лишь объясняли мир, но дело в том, что надо его изменить.

Для нас являются единым целым высота помыслов и высота мастерства, глубина содержания и яркость формы. Повторяю, только зная, что говорить и как говорить, художник имеет право требовать к себе внимания.

Нам трудно судить, чего достиг наш театр. Но непрестанность размышлений о месте человека в современном мире, тщательность поиска своего художественного языка дают нам надежду на благожелательный отклик на нашей гостеприимной земле.

Ю. ЛЮБИМОВ.
Главный режиссер
Московского театра драмы
и комедии на Таганке.